

Библиографические ссылки

1. Генин В. Теракт как произведение искусства // Сноб [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://snob.ru/profile/8356/blog/24244> (дата обращения: 15.10.2019).
2. Alliance of literary Societies [Electronic Resource]. Mode of access: <https://allianceofliterarysocieties.wordpress.com/2017/05/23/member-societies-f-to-h/> (date of access: 15.10.2019).
3. Boxall P. Twenty-First-Century Fiction. A Critical Introduction. N.Y. : Cambridge University Press, 2013. 266 p.
4. Hewitt K. Understanding Britain Today. Oxford : Perspective Publications, Ltd, 2009. 308 p.
5. McDowell E. Nathan Pine, 90, bookseller and literary world legend. The New York Times. Dec. 9, 1982. P. 20.

ОБРАЗ МИРА: ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА НА НОВОМ ЭТАПЕ СВОЕГО РАЗВИТИЯ

А. А. Кожина

Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
kozhinova@bsu.by

В статье рассматривается возможность когнитивного подхода к анализу текста и делается вывод о том, что тексты разных типов (современные политические и древние религиозные) требуют применения различных аналитических методов.

Ключевые слова: лингвистика текста; когнитивная лингвистика; современные тексты; древние тексты.

IMAGE OF THE WORLD: TEXT LINGUISTICS AT A NEW STAGE OF ITS DEVELOPMENT

A. Kozhinova

Belarusian State University
Minsk, Belarus
kozhinova@bsu.by

The article considers the possibility of a cognitive approach to text analysis and concludes that texts of different types (modern political and ancient religious) require the use of various analytical methods.

Key words: text linguistics; cognitive linguistics; modern texts; ancient texts.

1. Введение. Научный интерес к тексту не ограничивается рамками XX столетия. Можно предположить, что он возник в глубокой древности с появлением первых герменевтических трактатов и риторических руководств. Однако этот интерес был достаточно односторонним. Если рассматривать текст как сложный языковой знак (а возможность подобного

рассмотрения в наше время ни у кого не вызывает сомнения), можно предположить, что его смысловая сфера формируется под влиянием четырех аспектов – сигматики, учитывающей связь текста со внеязыковой реальностью; прагматики, определяющей отношение между текстом и его производителем и потребителем; синтактики, выводимой из линейной последовательности единиц, формирующих текст; семантики, рождающейся за счет совместных усилий единиц различных уровней в пределах текста и взаимодействия поверхностного и глубинного смыслов [см. 1, с. 120].

Древнейшие исследования в области текста были связаны с двумя аспектами, обращенными ко внеязыковой реальности, – сигматикой и прагматикой. Герменевтические штудии явно тяготели к исследованию в рамках сигматики – в них пытались определить, какой реальный факт представлен в данном фрагменте и почему он получил именно такое представление. Прагматикой были пронизаны риторические руководства – именно они учили потребителя обращаться с текстом. Но аспекты, связанные с исследованием текста в пределах языковой системы, – синтактика и семантика – не разрабатывались.

2. Основная часть. Своего расцвета лингвистика текста достигла в 1970 – 80-е годы, «породив 20 новых журналов и 10 новых обществ» [2, с. 1]. Исследования стали двигаться в двух направлениях. В первом случае в работах, относящихся к направлению, которое можно было бы определить как синтактическое, анализу подвергались внутритекстовые связи (когезия) частей текста, цельность текста, его завершенность по отношению к заданию, указанному заголовком.

Второе направление можно обозначить как семантическое. Наиболее крупные работы этого направления были созданы в русле тартуско-московской семиотической школы, согласно основным положениям которой текст может рассматриваться как знак с независимым содержанием и вместе с тем знак может рассматриваться как последовательность элементарных знаков [3, с. 25].

В первом случае рассмотрению подвергается целостный текст, переплавляющий в себе входящие в него отдельные знаки. Рассмотрение знака в исследованиях второго типа сопряжено с выделением и воссозданием (реконструкцией) текста благодаря расшифровке конденсированного смысла, заключенного в словесном знаке. Содержательная конденсированность входит в параметры, характеризующие символ, который может быть представлен как посредник между содержащим его текстом и памятью культуры. С символом связана установка на символизирующее и де-

символизирующее прочтение текстов, причем первое позволяет придать бытовому обрядовому тексту статус сакрального.

Однако к 1990-м годам оба направления достигли определенных, во многих случаях непредвиденных, результатов. Было установлено, что не всегда описание техники связи между предложениями позволяет найти путь к смыслу текста, что является более важной и более трудной задачей [4, с. 120]. С другой стороны, семиотический подход, признающий право любого артефакта считать сложным семиотическим целым, которое может быть прочитано подобно тексту, привел к тому, что многие исследователи почти полностью отошли от анализа вербальных текстов, заменив его анализом «доязыкового» текста вещи [см. 5].

В работах по лингвистике текста конца XX в. предполагалось перенесение исследований в когнитивную плоскость. Признавалось, что текст играет важную, а иногда и определяющую роль в построении когнитивной парадигмы: «Реализация когнитивной функции языка происходит в процессе его функционирования путем передачи через язык обширной текстовой информации о приобретенных обществом сведениях об окружающем мире... Попадая в человеческое сознание сначала через текст, такая информация постепенно, на протяжении жизни поколений оседает в языковом устройстве и превращается в его часть» [6, с. 17].

Таким образом, система концептов, структурирующая человеческое сознание и определяющая его мировоззрение, в конечном итоге образ мира, строится, с одной стороны, под давлением текстов действительности, продуктов человеческой работы в мире, поскольку человек начинает свою жизнедеятельность не с самостоятельного созидания, а с освоения созданного. Постепенно он сам включается в процесс взаимодействия с реальностью, используя ту систему концептов, которая у него сложилась, и не только преобразует (или пытается преобразовать) реальность, но и соответствующим образом корректирует свое сознание.

С другой стороны, концепты формируются при помощи вербальных текстов. Говоря об участии языка в построении мыслительных структур, следует учитывать, что язык проникает в сознание человека исключительно в виде текстов. Таким образом, основную роль в процессе образования концептов в частности и упорядочивания сознания человека вообще играет не идеальный дух, а материальная речь, непосредственное общение людей между собой. Если говорить об этой второй стороне формирования образа мира более подробно, то следует отметить, что информация, проникающая этим путем, будет по крайней мере двоякого рода. Во-первых, это атомарная информация, привносимая элементарными лексическими и грамматическими значениями. Во-вторых, это полный

смысл текста (но выводимый, как известно, из значений отдельных лексем), готовый слепок действительности, изготовленный иным человеческим сознанием, действительности, нередко не известной сознанию реципиента. «Один из аспектов влияния текстов на язык состоит в том, что те или иные фрагменты знаковых текстов или даже целые тексты прямо отражаются в новых производимых текстах с осознанным или неосознанным представлением о том, что они улучшат способ передачи мыслей в производимом тексте и будут способствовать его адекватному пониманию и большей эффективности. Это представляется связанным с тем, что то или иное использование готового текста не только воспроизводит точную и привычную формулировку, напоминает уже имеющийся образ, но и устанавливает определенные отношения производимого текста с предшествующими, т.е. включает его в вертикальный контекст языкового универсума, в тот словесный мир, который создается... языком и в котором мы живем» [6, с.17].

Образ мира, созданный подобным путем (разумеется, не без влияния реальности), оказывает обратное влияние на породившие его структуры. Устанавливая коммуникацию с себе подобными, человек производит свои собственные тексты, где усвоенные значения неминуемо преобразуются, и эти значения-тропы «либо подчиняются регламентациям языкового кода, либо представляются отклонениями от него, диктуемыми *ad hoc* [случаем]» [7, с. 315]. Отклонения от языкового кода вносят изменения в сам языковой код, который начинает обратное влияние на систему концептов.

Следовательно, комплексный образ мира в сознании человека складывается как за счет реальной действительности, так и за счет действительности идеальной, концентрирующейся в сознании человека в основном под воздействием текстов. Выше уже говорилось о том, что этот образ мира делится на определенное количество сфер, причем поведение человека (в том числе и речевое) определяет отдельный, более или менее независимый от других, виртуальный образ мира. Можно предположить, что некоторые из этих образов будут складываться под преимущественным влиянием реальности, другие, наоборот, воспримут в качестве своей основы иллюзорную действительность, привнесенную чужими текстами и идеальной системой языковой семантики.

Также и тексты, продуцируемые человеком, можно разделить на два типа. Первый получает именование экстравертированного типа текста, поскольку лежащий в его основе виртуальный образ питается информацией, поступающей преимущественно из реальности. Именно на анализ подобного текста направлены усилия Т. А. ван Дейка и его школы. Полу-

ченные в ходе подобных исследований результаты, действительно, могут быть воплощены в социальной практике.

Второй тип текста получает именование интровертированного, поскольку на формирование образа мира действительность, окружающая создавшего его человека, не оказывает никакого влияния, и все концепты, формирующие этот виртуальный образ, сложились под влиянием чужого опыта. Разумеется, чаще всего мы имеем дело с текстами смешанного типа, в которых взаимодействие подлинной и мнимой информации дополняется также и вкладом самого порождающего сознания, вносящего в производимый текст и свой собственный взгляд на мир. Таким смешанным характером отличаются и крупные модели сознания, при построении которых исследователи стремятся представить мировоззрение не только отдельного человека, но и целого социума, мировоззрение, определяющее все или по крайней мере большинство сторон его жизни. Таким универсальным характером отличается, например, модель мира в концепции Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, их сотрудников и последователей. Однако как эта модель создается при анализе разнородных текстов, так и при помощи ее можно создавать множество текстов, каждый из которых будет в большей или меньшей степени принадлежать к одному из описанных выше типов и которые, соответственно, обнаружат в объединенной модели множество частных виртуальных образов мира.

3. Заключение. Для анализа текстов, созданных в рамках обоих направлений, должны использоваться различные принципы и методы. И если при анализе современных политических текстов, относящихся к текстам экстравертированного типа, может быть использован анализ поверхностных связей, то для анализа текстов интровертированного типа, к которым, прежде всего, относятся древние тексты, необходим глубокий анализ, уходящий корнями в историческую память слова – его этимологию и историю употребления в текстах предшественников.

Библиографические ссылки

1. Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. Мн. : Бел. фонд Сороса, 1996. 287 с.
2. Models of understanding text / ed. by В.К. Britton, А. Graesser. Mahwah, New Jersey : Lawrence Erlbaum associates, 1996. 366 p.
3. Успенский Б. А. К проблеме генезиса Тартуско-Московской семиотической школы // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. (1987). Тр. по знак. системам. [Сб.] 20. С. 18–29.
4. Золотова Г. А. Говорящее лицо и структура текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М. : Ин-т русского языка РАН, 1995. С. 120–132.
5. Хелльберг Е. Загадка матрешки // Scando-slavica. 1991. Т. 37. С. 84–101.

6. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17–30.

7. Якобсон Р. Речевая коммуникация // Якобсон Р. Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. С.30–92.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ НАРРАТИВА И АВТОРСКАЯ КАРТИНА МИРА ВЛ. ШАРОВА

Т. Г. Мегрелишвили

Грузинский технический университет

Тбилиси, Грузия

e-mail: tatamegre@gmail.com

Анализ процессов, протекавших в русской литературе конца XX столетия и наблюдаемых в первые десятилетия XXI века, позволяет утверждать, что в произведениях Вл. Шарова наблюдается синтез постмодернистской эстетики с опытом реализма в его современной – постреалистической – трансформации. Нарративные стратегии Шарова являются «формами времени» и отражают установку эстетической прозы на самопознание.

Ключевые слова: авторская картина мира; коммуникативные стратегии; Вл. Шаров.

COMMUNICATIVE STRATEGIES OF NARRATIVE AND AUTHOR'S PICTURE OF THE WORLD BY VL. SHAROV

T. G. Megrelishvili

Georgian Technical University

Tbilisi, Georgia

e-mail: tatamegre@gmail.com

An analysis of processes that took place in Russian literature at the end of the 20th century and were observed in the first decades of the 21st century proves that the synthesis of postmodern aesthetics with the experience of realism in its modern – post-realistic – transformation is revealed in Vl. Sharov's works. Narrative strategies of Vl. Sharov are “forms of time” and reflect the establishment of aesthetic prose toward to self-knowledge.

Key words: author's picture of the world; communicative strategies; Vl. Sharov.

Осмысление художественного произведения как сложной коммуникативной системы актуализирует один из значимых планов нарратологии – коммуникативную стратегию нарратива [1, с. 3]. Этот план реализуется в модусе «автор – читатель», что отражается в художественном тексте в виде различных повествовательных приемов (акцентирование вымышленности или достоверности повествуемой истории, авторские маски, повествовательная стратегия «текст в тексте», метаповествование, метатекстуальность и т.д.), а также в модусе